

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Токарева И. Ю. До питання про сутність культурно-мовної компетенції.

У статті обґрунтовується існування культурно-мовної компетенції особи, розглядаються її складові.

Ключові слова: мова, культура, мовна особа, компетенція.

Токарева И. Ю. К вопросу о сущности культурно-языковой компетенции.

В статье обосновывается существование культурно-языковой компетенции личности, рассматриваются её составляющие.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность, компетенция.

Tokareva I. Yu. To question about the essence cultural and linguistic competence.

The existence of the person's cultural-linguistic competence are proved in the article, as well as its components are considered here.

Key words: language, culture, linguistic personality, jurisdiction.

Является ли культурно-языковая компетенция самостоятельной структурой или она включена в языковую? Мы полагаем, что культурно-языковая компетенция самостоятельная, отдельная от языковой компетенции структура. Очевидно, что человек может использовать язык, но не владеть теми знаниями, которые делают индивида своим в той или иной лингвокультурной общности. Например, человек может обладать большим словарным запасом, но не иметь представления о коннотациях значений слов.

Существование культурно-языковой компетенции доказывается тем, что языковая личность может знать язык, но не владеть связанным с ним культурным кодом. Этот факт имеет место при изучении и владении иностранным языком. В. В. Воробьев пишет: «Незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена» [2, с. 49].

Вопрос о существовании культурно-языковой компетенции ставится в конце XX века в связи с распространением антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках.

В. Н. Телия указывает, что антропоцентрическая парадигма рассмотрения языка определяет пятичленное разграничение основных форм репрезентации языкового материала: язык – узус – речевая деятельность – норма – речь [6, с. 38]. Каждая из выделенных репрезентаций предполагает существование в структуре языковой личности особого вида компетенции. Соответствие между ними и формами презентации языкового материала

в трудах исследователя имеет следующий вид: язык – языковая компетенция; узус – культурно-языковая компетенция (семантическая); речевая деятельность – коммуникативная компетенция; норма – нормативная компетенция; речь – исполнительская компетенция.

«Переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода, владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [7, с. 227]. Таким образом, В. Н. Телия определяет сущность «культурной» компетенции, особо подчёркивает её интерпретативный характер.

Мнение В. Н. Телия о том, что культурная (культурно-языковая) компетенция представляет собой особый феномен, развивает Г. Ю. Богданович. Исследователь отмечает, что «культурная компетенция не совпадает с языковой» [1, с. 5].

В современной научной и методической литературе для характеристики одного и того же феномена используется несколько терминов: культурная, культуроведческая, лингвокультурологическая, культурно-языковая компетенция. На наш взгляд, они связаны с разными явлениями.

Под культурной (культуроведческой) компетенцией мы готовы считать человека интерпретировать невербальные тексты культуры: произведения живописи, скульптуры, архитектуры и т. д., уметь соотносить их с идеологией эпохи, выделять знаковые средства и т. д. Безусловно, что культурно-языковая компетенция тесно связана с культурной, поскольку опирается на один культурный фон, использует идентичный метаязык, верифицирует свои интерпретации с опорой на факты разнообразных языков культуры.

Термины *культурно-языковая* и *лингвокультурологическая компетенция* являются синонимичными. Однако мы отдаём предпочтение первому, поскольку он был предложен раньше [8, с. 17].

В чём же заключается специфика культурно-языковой компетенции? Рассмотрим её содержание.

Е. А. Быстрова указывает, что «культуроведческая компетенция «предполагает осознание языка как формы выражения национальной культуры». Это обуславливает как минимум два компонента в её структуре: 1) знания лингвокультурологических понятий, социально-культурных стереотипов речевого поведения; единиц языка с национально-культурным компонентом значения; 2) учебно-языковые и частно-речевые умения анализа единиц языка с национально-культурным компонентом значения, адекватного употребления национально маркированных единиц языка, социально-культурных стереотипов речевого поведения [Цит. по 11, с. 327].

Тем самым, Е. А. Быстрова обращает внимание на то, что в состав «культуроведческой» компетенции должны быть включены теоретические знания в данной предметной области, словарь культурно маркированных единиц, способы их включения в речь. При таком подходе внимание

обращено на знание предмета и словаря. На наш взгляд, это понимание ограничивается задачами лингвострановедения: из поля зрения уходит главное – способность к интерпретации языковых фактов в категориях культуры.

В ином ключе определяет содержание культурно-языковой компетенции А. М. Шахнарович. Он пишет, что содержание культурно-языковой способности составляют фоновые знания, которые формируются в результате «семантического анализа ситуации деятельности и общения» [10, с. 8]. Такую дефиницию мы находим слишком широкой. Справедливо то, что сущность компетенции определяется с опорой на ментальные структуры и не сводится к комментированию только национально специфичных (безэквивалентных) языковых единиц. Однако А. М. Шахнарович не даёт представления о конкретном наполнении данной способности личности.

Широтой характеризуются взгляды В. В. Воробьёва. Учёный констатирует изоморфизм лингвокультурологической и языковой компетенции, но подчёркивает содержательную глубинность первой. Её В. В. Воробьёв определяет как «систему знаний о культуре, воплощённую в определённом национальном языке» [2, с. 83].

Иную интерпретацию рассматриваемого явления находим в работах Н. Л. Мишатиной. Она предлагает понимать под лингвокультурологической компетенцией «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощённой в национальном языке, и готовности к ценностной интерпретации языковых знаний в диалоге культур как основы формирования устойчивой системы ценностных мировоззренческих ориентиров школьника» [4, с. 110]. Используя термин *лингвокультурологическая компетенция*, учёный отмечает, что его определение опирается на дефиницию культурно-языковой компетенции, данную В. Н. Телия, что приводит к нежелательному умножению сущностей. Н. Л. Мишатиная структурирует лингвокультурологическую компетенцию, выделяя в ней три составляющие: знаниевую, деятельностьную, мировоззренческую. На наш взгляд, предложенная структура не показывает специфики данной компетенции и может быть отнесена к любой способности личности. Более того, недостаточно чётко разграничены знаниевая и мировоззренческая составляющие.

Существует и кардинально отличающееся понимание данного явления как части культурной компетенции, феномена, обеспечивающего коммуникативное поведение, принятое в данной культуре [3, с. 49]. На наш взгляд, такое определение не учитывает готовность языковой личности к культурной референции, наполняет термин коммуникативным содержанием.

Таким образом, в приведённых определениях выявляются лишь отдельные стороны культурно-языковой компетенции, акцент делается на её когнитивной составляющей.

В федеральном компоненте государственного стандарта общего образования даётся следующее определение культуроведческой компетенции

и содержанию, обеспечивающему её формирование: «Культуроведческая компетенция – осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, владение нормами русского речевого этикета, культурой межнационального общения» [9]. Как видим, данное определение характеризуется широтой. На наш взгляд, недостаточно точно определяются навыки: внимание актуализируется на частных вопросах владения речевым этикетом и культурой межнационального общения. Главный же навык – лингвокультурная интерпретанта – остаётся вне поля зрения.

К содержанию, обеспечивающему формирование культуроведческой компетенции, стандарт относит следующее: «Отражение в языке культуры и истории народа. Взаимообогащение языков народов России. Пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые слова. Выявление единиц языка с национально-культурным компонентом значения в произведениях устного народного творчества, в художественной литературе и исторических текстах; объяснение их значения с помощью лингвистических словарей (толковых, этимологических и др.). Взаимосвязь языка и культуры. Отражение в русском языке материальной и духовной культуры русского и других народов. Взаимообогащение языков как результат взаимодействия национальных культур. Соблюдение норм речевого поведения в различных сферах общения». Как видно из приведённой цитаты, содержание формулируется значительно шире. Однако и в данном случае мы оцениваем это определение как недостаточно полное. Основное внимание фокусируется на лексике и фразеологии, другие единицы языка не рассматриваются. Реализуется лексикоцентричный подход: так, при изучении текста внимание акцентируется только на единицах с культурно маркированным компонентом, жанровые, стилевые, композиционные, идейно-тематические особенности в круг культурно маркированных явлений не включаются. Недостаточно точно выбрано и название компетенции – культуроведческая, поскольку лингвистический компонент в нём редуцируется.

Культурно-языковую компетенцию можно представить как систему, в которую входят следующие составляющие: 1) владение основными понятиями и приёмами лингвокультурологии; 2) владение достаточным набором культурно значимых языковых единиц, умение выявлять их в контексте; 3) умение интерпретировать лексическую и грамматическую семантику в категориях культуры; 3) умение выявлять особенности национального менталитета, культурные установки, стереотипы, эталоны, представления с опорой на лексическое и грамматическое значение и значимость языковых единиц; 4) умение объяснять продуктивность / непродуктивность, регулярность / нерегулярность языковых явлений с опорой на особенности национальной культуры; 5) готовность к межкультурной коммуникации, уважение собственной и чужой культуры;

умение предупреждать и решать коммуникативные неудачи в процессе межкультурной коммуникации; 6) владение нормами речевого этикета, способность осмыслять его культурное своеобразие; 7) умение определять национальную специфику текста, выявлять в нём культурные установки, идеологемы, эталоны, стереотипы, символы культурной парадигмы; 8) знание основных прецедентных имён и текстов русской культуры.

В трудах отечественных психологов [А. Н. Леонтьев, А. М. Шахнарович и др.] делается акцент на функциональном статусе культурно-языковой компетенции: она понимается как механизм, сущность которого состоит в овладении языком и использовании его. Наиболее точно работу этого механизма передаёт Ю. М. Лотман: в ходе своего развития «ребёнок получает не отдельные слова, а язык как таковой. Это приводит к тому, что огромная масса слов, уже вошедших в его сознание, для него не сцеплена с какой-либо реальностью. Дальнейший процесс «обучения культуре» заключается в открытии этих сцеплений и в наполнении «чужого» слова «своим» содержанием» [5, с. 600].

В понятие культурно-языковой компетенции необходимо включить готовность личности к идентификации по национальному и социальному признаку, разнообразные поведенческие практики, их предсказание и понимание мотивов. Культурно-языковая компетенция опирается на представление о национальном сознании коммуникантов. Носитель языка осознаёт, что данный язык является для него родным. На нём он думает, с опорой на него он относит себя к той или иной лингвокультурной группе, дифференцирует людей по признаку «свои / чужие».

Культурно-языковая компетенция тесно связана с собственно языковой и коммуникативной: с одной стороны, овладение лингвистической семантикой обуславливает успешное развитие других видов мышления, является своеобразным «входом» в культурное пространство, с другой – «вход» и функционирование в культурном пространстве возможны только в процессе контакта (усвоения и порождения) с теми или иными текстами культуры. Результатом взаимодействия этих сущностей является та часть языкового мышления, которая перерабатывает и формирует систему культурных смыслов, способов и средств их хранения в языке; способность устанавливать, осмыслять себя и другого как разделяющего ту или иную систему установок, ценностей, код культуры, правильное кодирование и декодирование культурной информации в тексте.

Конструктами культурно-языковой компетенции являются когнитивные эталоны и стили [А. М. Шахнарович], на основании которых личность выстраивает в своём сознании аксиологическую систему, вырабатывает критерии квалификации отдельных участков действительности. Закрепляются и отражаются когнитивные эталоны посредством знаков языка, коммуникативных стратегий.

В смежных отношениях находится культурно-языковая компетенция с культурной, в основе которой лежит понятие культурной нормы, делающей адекватными невербальные практики человека в том или ином дискурсивном пространстве.

Таким образом, культурно-языковая компетенция является самостоятельным видом ментальных характеристик индивида, в определённой степени зависимым от языковой и коммуникативной компетенций.

Культурно-языковая компетенция опирается на лингвистические и феноменологические структуры. Первые выполняют контролирующие распознавательную роль, вторые – интерпретирующую и продуцирующую. Лингвистические структуры аккумулируют полученные знания, феноменологические – продуцируют креативность личности. Тем самым, культурно-языковая компетенция представляет собой своеобразный механизм, совершенствующий и обогащающий всю когнитивную систему лингвокультуры.

Литература

1. Богданович Г. Ю. Языковая компетенция личности в поликультурной ситуации / Г. Ю. Богданович // Гуманитарные исследования. – Астрахань : Издательский дом : «Астраханский университет», 2004. – № 3. – С. 5–11.
2. Воробьёв В. В. Лингвокультурология : [монография] / В. В. Воробьёв. – М. : Российский университет дружбы народов, 2008. – 336 с.
3. Городецкая Л. А. Лингвокультурологическая компетентность и лингвокультурологические коммуникативные компетенции: разграничение понятий / Л. А. Городецкая // Вопросы культурологии. – 2009. – № 1. – С. 49–51.
4. Мишатина Н. Л. Методическая концептология : ценностный подход / Н. Л. Мишатина // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка (профессиональный и общеобразовательный уровни) / Под ред. А. Д. Дейкиной и др. – М. : Из-во МПГУ, Ярославль : РЕМДЕР, 2009. – С. 107–117.
5. Лотман Ю. М. Семносфера / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
6. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 36–66.
7. Телия В. Н. Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 284 с.
8. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–25.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. – М. : Просвещение, 2008. – 21 с.
10. Шахнарович А. М. Язык, культура, общение / А. М. Шахнарович // Филология и культура. Материалы 3-й международной научной конференции. Ч. 3. – Тамбов : изд-во ТГУ, 2001. – С. 8–11.
11. Черепанова Л. В. Проектная деятельность в системе формирования культуроведческой компетенции школьников / Л. В. Черепанова // Методика преподавания славянских языков. – Томск : Из-во ТГПУ, 2009. – С. 327–333.